

Впечатления

Блок 7

№ 127

Пятница, 8 июля, 1994

Майя Плисецкая

ДАЧА И СРЕТЕНИЯ

Много книг начинается с рассуждений, когда кто-то себя помнит. Кто раньше, кто позже. Искать ли другое начало?

Ходить я стала в восемь месяцев. Этого сама не помню. Но многочисленная родня шумно дивилась моим ранним двигательным способностям. От этого удивления и началось мое самопознание.

Бабушка моя умерла летом 1929 года. Угаснила я помною очень отчетливо и ясно. Семья наша снимала в Подмосковье дачу. Я бабушку, уже покоявшуюся, подолгу лежала на никелированной, нелепой кровати на большой лужайке перед домом. Ее взялся лечить врач-китаец. Он приходил в широкополой пиратской черной шляпе и делал бабушке какие-то таинственные пассы.

Тем летом небо послало мне свою первый балетный месец. За дощатым, местами склоненным к густой траве забором стояла заключенная темная дача. Она принадлежала танцовщице Михаиле Мордкину, партнеру Анны Павловой. К тому памятному лету он сам уже перебрался на Запад. А его сестра, жившая в маленькой сторожке, краулила дачу и разводила пахучие российские цветы. Их дурманящий запах сознание мое удерживает и поныне.

Я была ребенком своеобразным, неслыханным, как все меня обзывают. Спустила по текущему ручью свои первые сандалии. Вместо корабликов, которые устроила на старинной почтовой открытке. Мама долго убивалась. Достать детские туфельки было задачей неразрешимой. Или, побегай по всей Москве. «Трудное время, трудное время», — притчала мама. Так и слышу с тех пор по сей день — трудное время, трудное время. Бедная моя Родина!

С канцелярской кнопкой дол고лагала до того, что она застрияла в моем детском носу на крепко. Мама возила меня на телеге с говорливым мужиком к сельскому лекарю. Тот молниеносно принял мне облегчение.

Не терпела любовь-бильных родственников, трепавших меня, словно говоривших, за правую щеку. Все настолько умилявшихся, что я так подросла с нашей последней встречи. И еще не любила или спать и насилие есть молочную лапшу, которой все те же родственники пичкали меня, приговаривая, чтобы росла крепкой. Однажды накормили до рвоты. С тех пор при словах «молочная лапша» меня охватывает озноб.

В Москве мы жили на Сретенке, двадцать три, квартала три, на третьем, последнем этаже. Одни тройки. Это была квартира моего леда Михаила Борисовича Мессерера, зубного врача. В ней было восемь комнат. Одни следили одна за другой, и все смогли немытими окнами на Рождественский бульвар. С другой стороны помещался узкий коридор, управляясь в пахучую кухню, выходившую единственным окном в замыганный, заставленный ящиками лвор. Все комнаты распределены между взрослыми уже дедушкинными летьми. Лишь в самой последней обитали пианист-виртуоз Александр Цфасман. Он окончил Московскую консерваторию с медалью, но, помешавшись на входившем тогда в моду джазе, пустил классику побоку. Цфасман был большой любитель, говоря по Гоголю, «научек клубнички». Всегда через длинный коридор пробирались к нему обожавшие его девицы. Тому способствовал коридорный полумрак с единственным источником света — засиженной мухами лампочкой без абажура под потрескивавшимися потолком — лампочкой Ильи Чайки.

Я, неприязненная, бролила по коридору и натыкалась на девиц-визитерш. Чтобы ребенок не выдал тайны, сосен вступал со мной в приглушенный диалог: «Майчика, кто тебе нравится больше — черненькая или беленькая?» «Беленка, беленка! Шагала жадно интересует все.

кая», — без раздумий определяла я. Всегда предпочитала я светловолосых.

Первым от лестницы был дедушкин зубной кабинет. Холодный, с кривыми половицами. Чуть накренившись, стоял ветхий, застекленный шкаф с врачебным инструментом. И главное действующее лицо — боромашина. Склонившись над развернутым ртом посетителя, лед усердно жал ногой на стертую металлическую педаль. Она крутила колесо ремнем, который склоняя голову, соскачивал. Сеанс прерывался.

Кабинет украшал чугунный Наполеон на коне. Для торжества момента. Знай, болезнай, мы все не вечно. На стене висела большая цветная застекленная гравюра изображавшая голову женщины с тяжелым пучком на затылке. У бедной женщины была вскрытая щека, и зрителю открывались все 32 зуба плоск внутренняя анатомия лица по самого уха. Это был сюрреализм, говоря нацистским языком, достойный кисти великого испанца Сальвадора Дали. Что-то очень похожее видела я несколько лет назад в южном испанском городе Фигерас, где высится яичными скрепами в небо музей Дали. Возле этого города он родился. А тогда я и не предполагала о скандальном художнике, а просто болтала одной оставаться в дедушкином кабинете.

Ванной в квартире не было. Точнее, была, но не для мытья. Там расположилась няня Варя с могучим усатым мужем Кузьмой — дворником нашего дома. Мыться всегда было проблемой. Воду долго, нудно грели на керосинке и примусе по полхолящей температуре. Кран на кухне был какой-то разалистый, и из него вся кухня летели ледяные брызги. Чтобы умирить кран, подставляли облизнувшуюся эмалью доску с надписью: «Зубной врач Мессерер солдаты бесплатно». Доску эту принесли с улицы. Она красовалась у задней двери еще с войны 1914 года.

Еще одна деталь дедушкиной квартиры, запавшая в мой мозг. Рядом с кабинетом, в соседней комнате, висела в темно-вишневой деревянной раме неумелая копия знаменитой картины «Книжка Тараканова». Из темного окна хлестала вода, и мечущиеся мыши бежали по краю, на которой в красивой театральной позе, в бархатном декорированном платье стояла книжка. Она была в полуобмоченном состоянии, с распущенными на плечах волосами. Пикasso — Хохлова, Сальвадор Дали — Гала...

Познакомилась я с Надей у Арагонов, еще своей первый приезд в французскую столицу. Когда Арагони к ужину ждали Надю, то Эльза, составляя меню, обязательно включала в него вареную курицу. Служанка Мария покорно шла в лавку. Без вареной курицы белорусский ждульчик оставался голодным. Если Надя пропускала визит, то Эльза говорила:

— Мне не виделись с Надей вону курицу.

Курица была мерилом встречи. Той весной Надя — она, как и Фернан Леже, была оголтелой коммунисткой (расстрелян в 37-м году родного брата за сестринское преступство) — присыпала нам с Родиной горячими приглашениями. Адресовала их она министру культуры Фурцевой, и та, испросив взгляд, где положено, советовала ее на тридцатидневный приватный вояж.

Вместе с молодым красавцем-живописцем Жоржем Бокке, за которого она без раздумий тогчас выходит замуж, поспешает студии Фернана Леже.

Как и положено французско му эмту кисти, Фернан Леже сразу устремляется свой наметанный донжон-куансий взгляд на ладонь, тонкоталую фигуру молодой славянки с выработанными, выпуклыми икрами. У Нади чуть монголообразный овал лица, туго затянутые в пучок волосы и пикантный — уточко — носик. Такой ее изобразил Леже на множестве своих полотен.

— Келье шез. А что еще нужно танцору?

— Еще нужен высокий подъем.

— А у меня подъем высокий? Сняв ботинок и засучив чеснокую брючину, Шагал демонстрирует свою ступню.

— Ну что ж, меньше, чем у Анны Павловой, но... годится.

Шагал, жена художника Григорьевна, уверяется:

— Поздно тебе, Маркуша, в балет иди. Рисуешь ты лучше. Пусть у Майи танцует.

Шагала жадно интересует все.

ПЛИСЕЦКАЯ И ШАГАЛ

Я, Майя Плисецкая

В издательстве «Новости» готовится к изданию книга «Я, Майя Плисецкая», написанная знаменитой балериной о своей жизни. Предлагаем вниманию читателя главы из этой книги.

Надежда Ходасевич-Боке

становится мамой Нади Леже.

Что за мистическая сила влечет нас к Шагалам в последние годы?

Попозировав? Шагалу?

Извольте...

Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.

— Мы поднимаемся на второй этаж. Позднее для этой цели художнику пристроили лифт — дражи донжона. Шедрин и Надя остаются с Вавой.